

DOI 10.20310/1810-0201-2020-25-184-129-135
УДК 94(470)+274+342

К вопросу о правовом положении духовных христиан молокан в Российской империи

Дмитрий Игоревич ФРОЛОВ^{1,2}

¹ФГБОУ ВО «Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова»
119991, Российская Федерация, г. Москва, Ленинские горы, 1

²ФГБОУ ВО «Московский государственный лингвистический университет»
119034, Российская Федерация, г. Москва, ул. Остоженка, 38, стр. 1
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0400-9278>, e-mail: frolovmol@mail.ru

On the issue of legal status of spiritual Christians Molokans in the Russian Empire

Dmitriy I. FROLOV^{1,2}

¹Lomonosov Moscow State University

1 Leninskie Gory, Moscow 119991, Russian Federation

²Moscow State Linguistic University

38-1 Ostozhenka St., Moscow 119034, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0400-9278>, e-mail: frolovmol@mail.ru

Аннотация. Цель исследования – дать краткий анализ правового положения духовных христиан молокан в Российской империи, проследив динамику государственного правового регулирования. Проблема статуса отдельных сектантских групп остается малоисследованной как в отечественной, так и в зарубежной литературе, что обуславливает ее актуальность. Используются следующие методы исследования: хронологический, проблемно-аналитический. Проанализированы нормы административного и уголовного права, действующие в XIX – начале XX века в Российской империи, регулирующие права и обязанности подданных, отнесенных к молоканской секте. Анализ показал, что правовое воздействие государства на молокан носило репрессивный и каузальный характер на протяжении большей части исследуемого периода. Лишь время правления Александра I было ознаменовано лояльным отношением к сектантам. После революционных событий 1905 г. молоканам были дарованы ряд гражданских и религиозных свобод, однако о религиозном равенстве всех подданных в этот период говорить нельзя. После 1905 г. были приняты специализированные акты, регулирующие порядок регистрации общин, проведения съездов, организации духовного образования и другие сферы общественных отношений.

Ключевые слова: молокане; духовные христиане; русское сектантство; сектантство и власть; религиозные свободы в Российской империи; протестантизм в Российской империи

Для цитирования: Фролов Д.И. К вопросу о правовом положении духовных христиан молокан в Российской империи // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. Тамбов, 2020. Т. 25, № 184. С. 129-135. DOI 10.20310/1810-0201-2020-25-184-129-135

Abstract. The purpose of this work is to give a brief analysis of the legal status of spiritual Christians Molokans in the Russian Empire, following the dynamics of state legal regulation. The problem of the individual sectarian groups status remains little studied in both domestic and foreign literature, which determines its relevance. We use the following research methods: chronological, problem and analytical. We analyze the norms of administrative and criminal law in force in the 19th – early 20th centuries in the Russian Empire, which regulate the rights and obligations of subjects assigned to the Molokan sect. The analysis showed that the legal impact of the state on the Molokans was repressive and causal throughout most of the studied period. Only the reign of Alexander I was marked by a loyal attitude towards sectarians. After the revolutionary events of 1905, a number of civil and religious freedoms were granted to the Molokans, however, one can-

not speak of the religious equality of all subjects during this period. After 1905, specialized acts were passed regulating the procedure for registering communities, holding conventions, organizing religious education, and other areas of public relations.

Keywords: Molokans; spiritual Christians; Russian sectarianism; sectarianism and power; religious freedoms in the Russian Empire; Protestantism in the Russian Empire

For citation: Frolov D.I. K voprosu o pravovom polozhenii dukhovnykh khristian molokan v Rossiyskoy imperii [On the issue of legal status of spiritual Christians Molokans in the Russian Empire]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki – Tambov University Review. Series: Humanities*, 2020, vol. 25, no. 184, pp. 129-135. DOI 10.20310/1810-0201-2020-25-184-129-135 (In Russian, Abstr. in Engl.)

Проблема отношений российского государства и русского сектантства, правового аспекта этих отношений неоднократно становилась объектом изучения для отечественных исследователей. Однако нельзя сказать, что вопрос о правовом положении отдельных сектантских движений и групп достаточно разработан. Движение духовных христиан молокан, крупнейшее в Российской империи антицерковное течение протестантского типа, до сих пор остается малоизученным как в отечественной, так и в зарубежной литературе.

Теме правового положения русских сектантов, в том числе молокан, посвящено немало работ дореволюционных авторов, среди которых государственные и церковные деятели, юристы, исследователи сектантства: Н.В. Варадинов, В.И. Кельсиев, А.П. Введенский, А.М. Бобрищев-Пушкин, В.И. Ясевич-Бородавская. В советской науке теме правового регулирования не уделялось должного внимания, отношения сектантов и государства рассматривались лишь в контексте классово-политической борьбы. В отечественной современной литературе (А.А. Секирин, В.Ю. Далецкая, И.В. Амбарцумов) вопрос о правовом положении старообрядцев и сектантов принято рассматривать в контексте проблемы государственной политики по отношению к расколу и сектантству в целом.

В данном исследовании мы хотим затронуть вопрос о развитии правового регулирования положения конкретной секты – движения духовных христиан молокан.

Духоборчество и молоканство берет свои корни в антицерковном движении Тамбовщины 1760-х гг. Об обнаружении в Тамбовской и Воронежской губерниях последовательной новой, еще не имеющей названия секты было сообщено сенатом Ее величеству в 1769 г. Несмотря на действие Военного артикула 1715 г., предусматривавшего смерт-

ную казнь хулителям благочестия, сектанты были помилованы и отправлены на военную службу в Азовскую и Таганрогскую крепости [1, с. 40]. Смертная казнь и в дальнейшем не применялась и к сектантам из духоборов, хотя духоборчество, сложившееся по возвращении из ссылки Иллариона Побирохина в 1780-е гг., почти сразу становится знакомо государству. Таково было терпимое отношение императрицы Екатерины II к сектантам. Можно согласиться с В.В. Далецкой, что в этот период «именно в расколе государство видело основную идеологическую угрозу. Сектантство в данных обстоятельствах отходило на второй план или воспринималось как составная, причем незначительная часть старообрядчества» [2].

С воцарением либерально настроенного императора Александра I отношение к сектантам и вообще меняется в лучшую сторону. 21 февраля 1803 г. в ответ на донесение об открывшихся в Тамбовской губернии духоборах император указывает, «чтобы не делая насилия совести и не входя в разыскивание внутреннего исповедания веры, не допускать однако же никак внешних оказательств отступления от веры», «что доколе не обнаружено будет в духоборцах явного неповиновения установленной власти, дотоле не можно, по единому смыслу их ереси, судить и обвинить их в сем преступлении». Указ 1803 г. фактически легализует исповедание духоборами своей веры. Но распространялся ли данный акт на молокан и можно ли его толковать расширительно, если речь в нем идет о «раскольниках и духоборцах»?

Активная проповедь основателя молоканского движения Семена Уклеина на юге России приходилась на рубеж XVIII–XIX веков. Вследствие близости молоканского учения духоборческому в происхождении и географии государство просто не замечало

его в этот период. По всей видимости, лояльное отношение власти к сектантам распространялось и на последователей С. Уклеина. После освобождения духоборов от преследований государства в 1803 г. многие молокане Тамбовщины открыто заявили о своем вероисповедании¹. Показательно, что в 1809 г. мещанин г. Борисоглебска Петр Михайлов и некий крестьянин деревни Максимовки подали жалобу императору на притеснения сектантов со стороны гражданских лиц, где также просили переселить их в Астраханскую губернию [3, с. 279]. Обращение молокан за защитой напрямую к императору говорит об их доверии к верховной власти.

Впервые центральная власть издает постановление, адресованное исключительно молоканам, а не духоборам и иным сектантам, только в 1814 г. Комитет министров на основании заключения министра внутренних дел решает лишить молокан возможности быть выбранными на общественные должности и возложить на них обязательство по уплате суммы в пользу городских доходов для выплаты жалования главам, судьям и старостам из православного населения. Примечательно, что право определения суммы выплат было предоставлено Кавказскому гражданскому губернатору². Таким образом, можно предположить, что действие указанного постановления распространялось лишь на Кавказскую губернию, куда стали добровольно переселяться сектанты.

Вторая половина периода правления императора Александра I ознаменовалась первыми попытками изоляции молокан от православного общества. С 1821 г. началось целенаправленное расселение молокан государством с целью изоляции их от православного населения и для колонизации новых земель. Вслед за духоборами молокан из Новороссии и других мест направили в Мелитопольский уезд Таврической губернии, в прежние владения Ногайских орд³.

С воцарением Николая I отношение государства к сектантам сильно меняется в худшую сторону. В октябре 1830 г. Государственным советом были утверждены меры в отношении молокан, субботников и последо-

вателей других «вредных сект». Изобличенных в распространении своей ереси и дерзостях против Церкви предписывалось предавать суду, а виновных обращать на службу в Кавказский корпус; неспособных к службе и женщин выдвоять в Закавказские провинции. Данное постановление положило начало самой масштабной сектантской колонизации. Укрываясь от притеснений Православной церкви, молокане по большей части добровольно уходили в Закавказские земли. Там они попадали в иноверческую среду и совершенно иную культуру и благодаря изоляции смогли сохранить свои верования и традиции вплоть до наших дней. Добровольное переселение в Закавказье в 1830–1840-х гг. было столь активным, что его запретили в 1853 г. Следующим направлением молоканской колонизации стал Восток – Сибирь.

Постановление 20 октября 1830 г. нашло свое закрепление в Своде законов Российской империи 1832 г. Статья 192 XV тома Свода повторяет положения октябрьского постановления⁴.

Активная борьба с молоканством в Тамбовской губернии, проводимая в 1830-е гг. по инициативе епископа Арсения (Москви́на), породила активную правотворческую деятельность по отношению к сектантам. В январе 1834 г. император предписал Начальнику Тамбовской губернии в отношении духоборцев и молокан поступать как с раскольниками, то есть старообрядцами, однако уже в марте 1835 г. Николай I распорядился принять специальные меры против распространения молокан в Тамбовской губернии, а молоканскую секту признать вреднейшей. Чтобы ослабить влияние молокан на православных, в 1836 г. молоканам запретили иметь православных работников.

В феврале 1837 г. Николаем I принимаются еще более строгие меры по отношению к молоканам: «всякое оказательство молоканской секты должно быть не только запрещено, но по возможности и предотвращено надзором»; «молоканских собраний для богослужений и учения секты, как в особо устроенных для того сборных избах, так и в частных домах, не дозволять. Молоканские сборные избы, как скоро будут усмотрены,

¹ Православный собеседник. 1858. Ч. 3. С. 67.

² Собрание постановлений по части раскола. Спб., 1875. С. 42.

³ Там же. С. 66.

⁴ Свод законов Российской империи, повелением государя императора Николая Павловича составленный. [2-е изд.]. Спб., 1833. С. 70.

подвергать сломке, а материал – продаже в пользу Приказа общественного призрения»⁵. Таким образом, вне закона оказывалась не только деятельность по распространению учения, как это было ранее, но и отправление богослужения. Исключение было сделано только для Закавказья: по ходатайству управляющего закавказскими областями барона Г.В. Розена исполнение молоканами обрядов было дозволено в 1838 г. По мнению барона, запрещать проводить богослужения молоканам, которые добровольно заселяют Закавказские провинции, было невозможно.

В 1842 г. министерство внутренних дел обратилось к обер-прокурору Святейшего синода с просьбой дать классификацию сект и толков в зависимости от их вредности по отношению к учению Церкви. В своем разъяснении обер-прокурор генерал-адъютант Н.А. Протасов выделил три типа сект: менее вредные (поповцы), вредные (беспоповцы, отвергающие священство и таинство Евхаристии) и вреднейшие (иудействующие, молокане, духоборцы, хлысты, скопцы и беспоповцы, отвергающие церковные таинства)⁶. В данном случае, используя термин «секта», обер-прокурор имел в виду все оппозиционные русскому православию движения, включая раскол и собственно сектантство. Об особой вредности молоканства в нормативных документах указывалось с 1830-х гг., однако приведенная классификация превратит эпитет «вреднейший» в формально-правовой и закрепит его за молоканами вплоть до 1905 г.

Утвержденное в августе 1845 г. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных несколько изменило перечень санкций, применяемых к сектантам. За соvrашение православного человека в иное христианское вероисповедание полагалось «лишение всех прав и ссылка на житье в Тобольскую или Томскую губернию» или «наказание розгами... и отдача в исправительные арестантские роты на время от одного двух лет» (ст. 205)⁷; за отступление от православного вероисповедания в другое – отсылка к духовному начальству для увещания и вразумления (ст. 206). Наказание, предусмот-

ренное 206 статьей, казалось бы, несерьезное, дополнялось важным и трагическим для молокан предписанием: «до возвращения их в православие, принимаются правительством, для охранения их малолетних детей...». Отбирание детей у молокан войдет в административную практику и надолго останется в памяти сектантов.

Эпоха великих реформ Александра II не обошла стороной вопрос раскола. В августе 1864 г. были приняты положения по пересмотру постановлений о раскольниках, которые даровали ряд гражданских прав менее вредным сектам и толкам раскольничьим. В этом акте деление сект и раскольников по вредности происходит по догматическому принципу. В частности, те, кто не признает никаких таинств, признаются сектой более вредной. Таким образом, постановление 1864 г. коснулось только старообрядцев-поповцев. Относительно либеральное постановление 19 апреля 1874 г., касающееся регулирования заключения браков между раскольниками, также не коснулось сектантов.

Несмотря на непризнание прав сектантов, в период великих реформ имело место точечное ослабление административного притеснения молокан. С 1860-х гг. в ответ на обращения сектантов принимаются постановления о дозволении молоканам непродолжительных деловых отлучек из своего места жительства⁸, о дозволении нанимать за себя в рекруты людей, не принадлежащих их секте⁹, и даже о дозволении нанимать работников из православных¹⁰. Однако большинство упомянутых постановлений касались не всех молокан империи, а жителей отдельных губерний или даже сел. Таким образом, имело место каузальное регулирование.

Среди примеров лояльного отношения местных властей к молоканам – случай, произошедший в 1871 г. в Царицынском уезде. Обнаруженные духовными властями молокане «отвергали бытие Бога, не признавали никакой власти и вообще отличались противонравственными действиями», на что Саратовская уголовная палата определила передать их для вразумления епархиальному начальству, а их «совратителю» мещанину Лобанову определили лишь надзор и «сильное

⁵ Собрание постановлений по части раскола. Спб., 1875. С. 190.

⁶ Там же. С. 319.

⁷ Там же. С. 50.

⁸ Там же. С. 637.

⁹ Там же. С. 599.

¹⁰ Там же. С. 663.

подозрение», хотя по 205 статье Уложения ему грозила ссылка [4, с. 185].

Значительной вехой в развитии законодательства о раскольниках и сектантах стало Высочайше утвержденное мнение Государственного совета от 3 мая 1883 г. «О даровании раскольникам некоторых прав гражданских и по отправлению духовных треб». В соответствии с пятым пунктом этого нормативного акта «раскольникам дозволяется творить общественную молитву, исполнять духовные требы и совершать Богослужение по их обрядам как в частных домах, так равно в особо предназначенных для сего зданиях» [5]. Однако напрямую указанное регулирование касалось только раскольников, то есть старообрядцев. Предположение о том, что действия данного мнения распространялось и на сектантов, можно сделать лишь на основании формулировки первого пункта: «Паспорты на отлучки внутри Империи выдаются раскольникам всех сект, за исключением скопцов, на общем основании» [5]. Таким образом, под действие акта однозначно не попадали только скопцы. Стоит отметить, что практика использования в правовых документах термина «раскольники» чаще, как синонима старообрядцам, а иногда как понятия, включающего в себя помимо старообрядцев всех сектантов, осложняло понимание права современниками на протяжении всей истории регулирования этого вопроса.

Доказательством того, что данный акт действовал не в пользу сектантов, является, в частности, знаменитый процесс бакинского нефтепромышленника И.Ф. Колесникова. Построенное им в 1886 г. здание в г. Баку стало использоваться как молитвенный дом, о чем быстро стало известно властям. Несмотря на то, что И.Ф. Колесников в процессе ссылался на нормы мнения Государственного совета от 3 мая 1883 г., здание было опечатано полицией и оставалось закрытым до 1905 г. [6, с. 234].

Указ 17 апреля 1905 г. «Об укреплении начал веротерпимости», согласно которому «отпадение от православной веры в другое христианское вероисповедание или вероучение не подлежит преследованию»¹¹, был встречен молоканами с радостными надеж-

¹¹ Указ Об укреплении начал веротерпимости (1905) // Полное собрание законов Российской империи: Собр. 3-е. Т. 25. 1905. Спб., 1908. С. 237.

дами. После его принятия сектанты получили базовый объем религиозных прав и свобод, им разрешалось совершать общественные богослужения, строить молитвенные дома. Несмотря на то, что указ не уравнивал православных подданных и сектантов, его принятие стало первым и значительным шагом в становлении религиозных свобод в России.

В июле 1905 г. в с. Воронцовка Тифлисской губернии был проведен первый всероссийский съезд молокан, посвященный 100-летию дарования религиозной свободы молоканам Александром I¹². Это масштабное событие, ставшее возможным в том числе благодаря указу 17 апреля 1905 г., было поддержано властью, съезд посетил кавказский наместник Воронцов-Дашков с группой местных чиновников. Однако о какой религиозной свободе в 1805 г. идет речь? Дело в том, что основанием для проведения съезда стал Указ о даровании религиозной свободы молоканам Александром I, найденный в форме рукописи тифлисским молоканским наставником И.Г. Водопьяновым. Если верить этому документу, 12 июля 1805 г. жители Тамбовской и Воронежской губерний Петр Журавцев, Максим Лосев и Матвей Мотылев ходатайствовали перед императором об освобождении молокан «от рабства православной религии и от истязания, от клевет, воздаваемых на них священниками». Не прибегая к описанию и анализу текста прошения и указа, отметим, что подлинность этих документов была подвергнута критике сразу с момента их появления. «Императорский указ» содержит грубые фактические и стилистические ошибки, представляя собой вымышленный протокол заседания совещательного органа при Александре I. Возможно, рукопись – попытка создания молоканами акта, имитирующего постановление 21 февраля 1803 г., принятого в отношении духоворов. Так или иначе, вышеупомянутая рукопись стала основанием для проведения

¹² Отчет о Всероссийском съезде духовных христиан (молокан), состоявшемся 22-го июля 1905 г. в селении Воронцовке, Тифлисской губернии, Борчалинского уезда, по поводу 100-летнего юбилея самостоятельного их религиозного существования в России со дня опубликования высочайшего указа блаженной памяти благословенного монарха Александра Павловича, от 22-го июля 1805 г. 1805–1905 гг. Эривань, 1907. 103 с.; Духовный христианин. Тифлис, 1905. № 1.

съезда 1905 г. и вошла в активный оборот среди молокан.

Манифест 17 октября 1905 г. дополнил объем гражданских прав подданных империи, где сектанты не были исключением. Дарованная свобода печати позволила молоканам создать свой журнал «Духовный христианин», первый номер которого вышел в декабре 1905 г.

Вслед за принятием Высочайших указов 1905–1906 гг. последовали изменения существующих норм Уголовного уложения, Общего положения о крестьянах, а также принятие подзаконных актов, более детально регулирующих отдельные сферы общественных отношений:

- Циркуляр Министерства внутренних дел от 4 октября 1910 г. № 9623 губернаторам, начальникам областей и градоначальникам по вопросу о богослужбных и молитвенных собраниях сектантов;

- Распоряжение правительства о порядке устройства последователями сектантских вероучений вероисповедательных съездов от 14 апреля 1910 г.;

- Циркуляр министерства внутренних дел о правах сектантов на устройство молитвенных собраний и о праве православных присутствовать на сектантских молитвенных собраниях от 28 апреля 1910 г.;

- Распоряжение министерства народного просвещения об отмене всех стеснений для детей сектантов в отношении пользования народной школой от 3 ноября 1905 г.;

- Распоряжение министерства народного просвещения по вопросу о преподавании Закона Божия детям старообрядцев и сектантов от 25 апреля 1911 г. [7, с. 200-204; 8].

Период с 1905 по 1917 г. стал эпохой возрождения для молокан. В это время строились молитвенные дома и духовные школы, издавались богословские сочинения и религиозные журналы, проходили съезды и велась активная переписка между общинами¹³. Однако этот период ознаменовал и по-

степенное угасание молоканского движения, которому было трудно существовать в условиях городского капитализма, образования, светской культуры и наличия сильных религиозных конкурентов. Многие активные и религиозные молокане переходили в баптизм, который был намного лучше приспособлен к веяниям времени. Это новое для России рубежа XIX–XX веков западное евангельское учение воспринималось молоканами как главная угроза их религиозному движению. Некоторые из молокан также возвращались в лоно Русской православной церкви, так как с конца XIX века церковь развернула широкую внутреннюю миссию. Переходы в православие были характерны для регионов, где молокане жили бок о бок с православными, а не среди иноверцев.

Правовое регулирование положения молокан в Российской империи прошло вековую историю. Начало XIX века ознаменовалось лояльными к сектантству указами Александра I, которые сменились политикой мягкой изоляции сектантства во второй половине правления императора. Время правления Николая I стало самым тяжелым для молокан. Положение вне закона заставило сектантов массово мигрировать в Закавказье как по собственной воле, так и в качестве наказания. Попытки реформировать положение раскольников и сектантов во второй половине XIX века коснулись лишь старообрядцев. В то же время, несмотря на статус «вредных» сектантов, молокане в этот период получили некоторые послабления, имевшие каузальный характер. Время религиозной свободы для молокан началось в 1905 г. – примерно через сто лет после массового распространения секты по югу России. Однако и после изменений 1905 г. нельзя говорить о полной свободе сектантов в империи, которая продолжала оставаться государством с официальной государственной религией – православием.

¹³ Духовный христианин. Тифлис, 1906. № 4.

Список литературы

1. Акты, относящиеся к истории раскола XVIII в. / сообщ. Е.В. Барсова. М., 1889. 87 с.
2. *Далецкая В.Ю.* Политика российского государства и церкви в отношении сектантов в XVIII–XIX веках: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2004.
3. *Ливанов Ф.В.* Раскольники и острожники: очерки и рассказы: в 5 т. Спб., 1872. Т. 3. 639 с.

4. *Бобрищев-Пушкин А.М.* Суд и раскольники-сектанты. 2-е изд., [репр.]. М., 2015. 207 с.
5. Миссионерский спутник: настольн. справ. книжка по расколосектоведению и миссионерству: [С прил.] / под ред. В.М. Скворцова. 2-е изд., доп. Спб., 1904. 220 с.
6. *Breyfogle N.B.* Prayer and the politics of place: Molokan Church building, tsarist law, and the quest for a public sphere in late imperial Russia // *Sacred Stories: Religion A. Spirituality in Modern Russia* / ed. by M.D. Steinberg, H.J. Coleman. Bloomington, 2007. 420 p.
7. *Введенский А.П.* Действующие законоположения касательно старообрядцев и сектантов. Одесса, 1912 (на обл. 1913). 203 с.
8. *Ясевич-Бородаевская В.И.* Борьба за веру. Историко-бытовые очерки и обзор законодательства по старообрядчеству и сектантству в его последовательном развитии с приложением статей закона и высочайших указов. Спб., 1912. 696 с.

References

1. Barsov E.V. *Akty, odnosyashchiesya k istorii raskola XVIII v.* [Acts Relating to the Raskol History of the 18th Century]. Moscow, 1889, 87 p. (In Russian).
2. Daletskaya V.Y. *Politika rossiyskogo gosudarstva i tserkvi v otnoshenii sektantov v XVIII–XIX vekakh: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [The Policy of the Russian State and the Church Regarding Sectarians in the 18th–19th Centuries. Cand. hist. sci. diss. abstr.]. Moscow, 2004. (In Russian).
3. Livanov F.V. *Raskol'niki i ostrozhniki: ocherki i rasskazy: v 5 t.* [Raskolniki and Jailers: Essays and Short Stories: in 5 vols.] St. Petersburg, 1872, vol. 3, 639 p. (In Russian).
4. Bobrishchev-Pushkin A.M. *Sud i raskol'niki-sektanty* [Court and Dissenters-Sectarians]. Moscow, 2015, 207 p. (In Russian).
5. Skvortsov V.M. (ed.). *Missionerskiy sputnik: nastol'nyy spravochnik knizhka po raskolosektovedeniyu i missionerstvu: [S prilozheniyami]* [Missionary Companion: Desktop Reference Book on Raskolsectarian Studies and Missionary Work: [With Applications]]. St. Petersburg, 1904, 220 p. (In Russian).
6. Breyfogle N.B. Prayer and the politics of place: Molokan Church building, tsarist law, and the quest for a public sphere in late imperial Russia. In: Steinberg M.D., Coleman H.J. (eds.). *Sacred Stories: Religion A. Spirituality in Modern Russia*. Bloomington, 2007, 420 p.
7. Vvedenskiy A.P. *Deystvuyushchiya zakonopolozheniya kasatel'no staroobryadtsev i sektantov* [Applicable Laws Regarding Old Believers and Sectarians]. Odessa, 1912, 203 p. (In Russian).
8. Yasevich-Borodayevskaya V.I. *Bor'ba za veru. Istoriko-bytovyye ocherki i obzor zakonodatel'stva po staroobryadchestvu i sektantstvu v ego posledovatel'nom razvitii s prilozheniyem statey zakona i vysochayshikh ukazov* [The Fight for Faith. Historical and Everyday Essays and a Review of the Legislation on the Old Believers and Sectarianism in Its Consistent Development with the Application of the Articles of the Law and the Highest Decrees]. St. Petersburg, 1912, 696 p. (In Russian).

Информация об авторе

Фролов Дмитрий Игоревич, аспирант, кафедра истории Церкви Исторического факультета. Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, г. Москва, Российская Федерация; учитель истории и обществознания. Московский государственный лингвистический университет, г. Москва, Российская Федерация. E-mail: frolovmol@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0400-9278>

Поступила в редакцию 11.11.2019 г.
Поступила после рецензирования 05.12.2019 г.
Принята к публикации 20.01.2020 г.

Information about the author

Dmitriy I. Frolov, Post-Graduate Student, Church History Department of History Faculty. Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation; Teacher of History and Social Studies. Moscow State Linguistic University, Moscow, Russian Federation. E-mail: frolovmol@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0400-9278>

Received 11 November 2019
Reviewed 5 December 2019
Accepted for press 20 January 2020